

УДК 32(571.53)(091)

Иркутск в начале XX в.: формирование политического ландшафта

А. В. Шалак

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рецензируется монография, посвященная политической истории Иркутска в 1917 г. Подчеркивается широкий исторический фон исследования, солидная источниковая база, отмечается связь и взаимовлияние исторических процессов европейской и азиатской частей России.

Ключевые слова: Иркутск в 1917 г., коллективная монография, рецензия.

Современные публикации о революции 1917 г. отличаются от традиционных юбилейных сборников советской эпохи прежде всего интерпретацией фактов с опорой на различные методологические подходы и учетом исторического опыта. К подобного рода изданиям можно смело отнести коллективную монографию «Иркутск накануне и в 1917 г.: Очерки политической истории губернского центра»¹. На основе обширного документального и историографического материала в работе исследуются проблемы вызревания и развития социальных катаклизмов в Иркутске в начале XX в. Причем эти проблемы рассматриваются в рамках широкого геополитического контекста, связанного с положением Прибайкалья в имперском пространстве России, и роли Иркутска в системе губернского управления. И хотя название книги претендует на изложение политической истории Иркутска накануне 1917 г., в действительности значительная часть материалов книги отражает историю города хронологически и предметно значительно шире. Особенно большое внимание авторы уделяют буржуазным реформам с начала 1860-х гг. Такое интерес к этому периоду выглядит вполне оправданным, поскольку именно эти реформы задали общие тенденции развития городского хозяйства, экономической жизни и, как следствие, политических процессов в регионе.

Осмысление предпосылок революционных событий начала XX в. начинается с представления географического, экономического, социально-демографического пространства Прибайкалья. Этот важный методологический аспект зачастую игнорируется в исторических исследованиях, однако

¹ Иркутск накануне и в 1917 г.: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск : Оттиск, 2017. 544 с.

именно специфика пространства во многом определяет особенности проблем, возникающих на территории, и позволяет в историко-геополитическом контексте исследовать не только классический набор социально-экономических и политических проблем, но и дополнительный комплекс причин, обостривших социальные отношения в регионе. Огромные пространства Сибири не были инкорпорированы в экономическое и политическое пространство империи. Положение Сибири мало чем отличалось от статуса колонии. Правящие круги традиционно смотрели на Сибирь как источник ресурсов для Европейской России, и эти ресурсы без особых вложений в социальную инфраструктуру региона должны были укреплять мощь империи. Преобладание административно-политических целей над социальными и экономическими не могло не являться дополнительным фактором, стимулирующим революционное движение. Одновременно с этим каждый сложившийся в ходе исторического развития регион в Сибири имел свою специфику, индивидуальные особенности, находившие отражение в социокультурном и этноконфессиональном облике, что также влияло на своеобразие формирования предпосылок революционных потрясений. Именно поэтому историко-геополитическая идентификация региона, на что обращают внимание авторы монографии, позволяет по-новому и в более широком контексте исследовать причины социальной революции начала XX в.

К региональной специфике Иркутской губернии авторы, в частности, относят преобладание мужского населения над женским, меньший удельный вес крестьян в структуре городского населения (10 %, в то время как в европейской части 20 %), значительный удельный вес ссыльных и ссыльно-поселенцев (12 % населения Иркутской губернии на 1890 г.) и др.

Особенностью Сибири являлось и то, что земельный вопрос, который был одним из главных в предреволюционный период, здесь не имел столь острого и проблемного характера, как в европейской части России. Сибирь, как известно, не знала практики крепостного состояния, не было здесь и дворянских имений. В европейской части страны на душу мужского пола приходилось в 1880 г. 3,5 дес. удобной земли, в Иркутской же губернии – по 23,8 дес., т. е. в 8 раз больше. Однако при этом дифференциация земельной собственности и здесь являлась существенной. Важное значение для анализа предпосылок потрясений начала XX в. имеет исследование социальной структуры общества. С позиций материалистического понимания общественных процессов они являются отражением тенденций экономической жизни и, как их следствие, переносятся в политическую сферу. Отличительной чертой региона было отсутствие в городах стабильной прослойки помещного дворянства, что ставило чиновничество и верхушку купечества на самый верх социальной иерархии. Социальная поляризация при этом не уступала таковой в европейской части России. При этом авторы монографии обращают внимание на то, что у городских властей имелись большие возможности для решения социальных, и не только, проблем населения. Бюджет города Иркутска составлял в 1890 г. 317,6 тыс. руб. и значительно превосходил бюджеты соседних областных городов (более чем в 5 раз бюджет Красноярска и почти в 8 раз бюджет Читы).

Интересным представляется изложенный в монографии анализ идейных истоков радикальных движений в Сибири. Они в том числе связаны и с так называемыми сибирскими вопросами областного движения. Прежде всего авторы отмечают их след в «национальном вопросе». Именно областники больше всех говорили о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов. Иностранческий, или, как сегодня бы сказали, национальный, вопрос раздувала опять же русская интеллигенция в лице разночинцев. Делали они это осознанно, в силу своих убеждений или в силу того, что в борьбе с царизмом все средства хороши, – вопрос остается открытым. Но примерно так же с вульгарных позиций марксистско-ленинской идеологии в первые десятилетия советской власти все вопросы продвижения России на восток трактовались с классовых позиций. Политика царизма провозглашалась в национальном вопросе империалистической, а недовольство местной знати и стычки на бытовой почве трактовались как проявление национально-освободительной борьбы местного населения. Именно с этих позиций, например, написана монография известного сибирского историка А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов», изданная в 1937 г.

Серьезное обсуждение вопроса об альтернативах русской революции 1917 г. предполагает проведение глубокого анализа слагаемого потенциала структур гражданского общества. Именно через участие иркутян в органах местного общественного самоуправления можно было оформить легитимное пространство диалога с властью, а его расширение неизбежно вело к эволюции политической системы в России. Авторы монографии не оставляют в стороне данные вопросы, концентрируя внимание на исследовании проблемы взаимодействия власти и общества.

Интересы общества, в том числе и политические, получали возможность реализации прежде всего через развитие местного самоуправления. Изучение реального объема пространства взаимодействия общества и власти позволяет оценить действительные возможности горожан в области легального представительства своих интересов. Приводимые в сборнике цифры и факты позволяют сделать вывод, что политические права и свободы постепенно наполнялись вполне реальным содержанием. Если понимать под содержанием демократии развитое местное самоуправление, в рамках которого граждане реально учатся управлять и реализовывать свои интересы, то в этом смысле в условиях городского управления в Иркутске был наработан значительный опыт, и имелась прослойка людей, активно включающихся в решение городских проблем. С расширением избирательных прав, начиная с введения Городового уложения (в Иркутске в 1872 г.), которое заменило сословно-бюрократические органы управления всесословными, постепенно росло количество граждан, вовлеченных в процесс формирования городских органов власти. И хотя в этом процессе получили возможность принимать участие не более 6,3 % иркутян, по этому показателю Иркутск почти в два раза превосходил города Европейской России.

Диалог органов местного самоуправления с властью постепенно расширялся, городская дума все больше проявляла себя как общественно-политический орган, актуализирующий перед властью местные нужды. Параллельно в самой системе органов местного самоуправления оформляется оппозиция, таким образом не только нарабатывался опыт политической борьбы, но избранные депутаты (гласные) оказывались под контролем оппозиции, то есть начинали реально действовать классические демократические механизмы. Набрав определенный политический вес, представители городского самоуправления стали поднимать перед властью и «общесибирские вопросы», среди которых одним из главных был вопрос о прекращении ссылки в Сибирь.

Наряду с процессом становления органов местного самоуправления авторы монографии исследуют и формирование таких важных структур гражданского общества, как неполитические и политические объединения города. Отмечается, что только за вторую половину XIX в. в городах Иркутской губернии было создано более 40 неполитических общественных объединений некоммерческого характера. Однако, судя по представленной информации, структурами гражданского общества их можно считать условно, поскольку инициатива по их созданию исходила сверху, образовывались они по распоряжению губернской власти. Но уже к концу XIX в. губернская власть утратила монополию на их организацию. Из учтенных 45 неполитических общественных формирований, действовавших на территории Иркутской губернии во второй половине XIX в., только 18 объединений (40 %) были открыты административным порядком.

Таким образом, в пореформенный период в Иркутске отчетливо прослеживается тенденция к созданию структур гражданского общества, которые в условиях буржуазного развития являются основой распространения идеологии либерализма и постепенной трансформации авторитарной монархии в республиканскую форму правления. При эволюционном процессе развития данная альтернатива становилась вполне реальной. Анализ деятельности общественных объединений позволяет авторам обоснованно сформулировать вывод, что в регионе, особенно в Иркутске, постепенно вырабатывались навыки общественной деятельности, устанавливались горизонтальные связи, консолидировались отдельные социальные группы.

Радикализация общественных настроений в регионе во многом была обязана политической ссылке. Авторы монографии достаточно подробно останавливаются на этом аспекте. Они отмечают, что биография иркутской политической ссылки полна громких имен. Без учета ссылных поляков количество политических ссылных выросло в регионе к началу XX в. до 120 человек. Цифра может показаться не столь большой, но если учесть активность ссылных в общественной политической сфере, выступления на страницах областных газет, то их влияние на формирование общественно-политических предпочтений граждан нельзя недооценивать. Тем более что после первой русской революции количество политических ссылных выросло примерно в четыре раза.

Общественный статус политических ссыльных в регионе был достаточно высок, поскольку отношение иркутских властей к ним было вполне лояльное. Авторы усматривают причину лояльности в их социальном происхождении, однако думается, дело не столько в этом. В условиях географической удаленности и неразвитости сферы услуг, досуга общение с ссыльными воспринималось как хождение на определенный политический спектакль. Влияние политических ссыльных было значительным, поскольку они имели возможность излагать свои взгляды через активное сотрудничество с газетой «Восточное обозрение». Это во многом неизбежный процесс в условиях начавшейся демократизации и становления структур гражданского общества. Применительно к американскому обществу эти аспекты хорошо изложены в работе А. де Токвиля «Демократия в Америке» (1835 г.), ставшей классикой политической мысли.

Политические процессы периода первой русской революции и после нее авторы рассматривают с традиционных позиций, концентрируя внимание на оформлении политических программ. Оппозиционно настроенная интеллигенция Иркутска и политические ссыльные дробились на различные политические платформы и союзы. Эти настроения по отношению к самодержавию усиливались позицией органов местного самоуправления, которые по ряду вопросов были вынуждены все чаще находиться в оппозиции к губернской власти. Авторы монографии совершенно правильно акцентируют внимание на том, что в оппозиции к самодержавию оказывались с начала XX в. не только радикально настроенные политические ссыльные, но и местные органы власти. В совокупности это серьезно влияло на усиление радикальных позиций в иркутском обществе.

Политические ссыльные как фактор радикализации общественных настроений на какое-то время были нейтрализованы после октябрьского Высочайшего манифеста 1905 г. Согласно последовавшему за ним указу сроки политическим каторжанам и поселенцам по суду значительно сократили, а административно-ссыльных полностью амнистировали. Практически все они покинули пределы региона. Однако разгром революционных организаций и подавление массового рабочего и крестьянского движения в Европейской России в 1905–1906 гг. способствовали вновь наполнению тюрем и ссыльных мест. И центром их сосредоточения являлся, конечно, губернский центр. Одной из причин этого было весьма вольное перемещение ссыльных по территории губернии. Авторы отмечают, что «временно проживающие» в Иркутске политические ссыльные составляли едва ли не третью часть всей «официальной» колонии». Но после февральских событий 1917 г. подавляющее большинство политических ссыльных (свыше 3 тыс. человек), так же как и после Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г., убыло в центральные районы страны.

Февралисты поступили весьма продуманно, в целях реализации своей политической платформы передав обязанности местной администрации председателям губернских и уездных земских управ и городским головам. Политические предпочтения последних практически совпадали с програм-

мой кадетов, поэтому совершенный государственный переворот не встретил какого-либо заметного сопротивления в регионе с их стороны. Именно это обеспечило мирный переход власти после государственного переворота.

Ход событий от февраля до октября 1917 г. в Иркутской губернии в целом укладывался в общероссийские тенденции. Провозглашение лозунга «Война до победного конца!» способствовало быстрому переходу армейских частей на сторону большевиков, которые предложили выход из войны и заключение демократического мира без всяких контрибуций. Одновременно действия Временного правительства вели к хаотизации общественных отношений в России. Выпуск из тюрем политических и уголовников, с одной стороны, резко обострил борьбу за власть в стране, с другой – привел к росту числа грабежей, убийств, воровства и, как следствие, усилению социальной напряженности. Местные же органы власти не обладали ни опытом, ни авторитетом, позволяющим им эффективно бороться на местах с последствиями подобных решений Временного правительства. Кроме того, справиться с этими проблемами на базе той политической платформы, на которой они стояли в условиях войны и нарастающего хаоса, было невозможно. В такой ситуации реальная власть быстро перетекает на сторону тех политических сил, которые поддерживает армия и население крупнейших индустриальных и политических центров. Аморфное «демократическое большинство» в таких условиях не решало ничего в прошлом и не решает в настоящем.

С этой точки зрения интерполяция политического опыта на события в регионе подтверждает подобную закономерность событий. На состоявшихся в июле 1917 г. выборах в городскую думу большевики получили всего 11 мандатов из 90, тогда как у эсеров было 47 мест. Выборы же в Учредительное собрание спустя четыре месяца, в ноябре 1917 г., продемонстрировали уже совершенно иные предпочтения граждан. Большевики в городе получили 37 % голосов, а эсеры 32,5 %. При этом за большевиков проголосовали солдаты Иркутского гарнизона. Победа в губернском центре с таким влиянием в армейских частях имела решающее значение. Голоса крестьянской массы, отданные за эсеров и другие политические силы, разбросанные по территории, не играли в данном случае столь серьезной роли. Поэтому в условиях массовой поддержки большевиков со стороны солдатских масс и крупнейших индустриальных центров политически, без учета внешнего фактора, ситуация была безальтернативной.

Попытка объяснить победу большевиков с позиций синергетического подхода, когда она представляется как «перетягивание чаши исторических весов на свою сторону», что привело к совершенно «непредсказуемым результатам», выглядит как минимум дискуссионной. Вряд ли деятельность февралистов, которые заставили в разгар войны отречься от должности главу государства и верховного главнокомандующего, отстранили от власти всю существующую вертикаль, выпустили из тюрем политических и уголовников и одновременно с этим распустили полицию и жандармерию, вознамерились в воюющей стране организовать выборы и при этом не решали ни одного вопроса, от которого зависели политическая и социальная

стабильность, вряд ли такая деятельность могла привести к другой альтернативе, кроме большевистской. Триумфальное шествие советской власти – это реальный и закономерный факт, а не «точка бифуркации».

В целом же изданная монография, несомненно, будет полезна всем, кто хочет глубже разобраться в вопросах оформления политических тенденций в регионе. При этом все же следует отметить, что значительная часть материала монографии фрагментарна, порой не имеет даже косвенного отношения к названной теме. Не укладывается в структуру монографии материалы по истории региона в годы Русско-японской войны и Первой мировой. К проблеме политического Иркутска самое отдаленное отношение имеют разделы о мобилизации иркутян, организации питания перебрасываемых на восток воинских частей, с описанием боевых действий, впечатлений участников войны, транзитной роли Иркутска, причин возникновения мирового конфликта и пр.

Не поднимается в монографии вопрос о финансировании оппозиционной политической деятельности, который по-прежнему является одним из наименее изученных. Но в целом, несмотря на дискуссионность отдельных выводов, авторы изданной работы масштабно и с различных позиций исследовали комплекс тех процессов, которые вылились в вооруженную конфронтацию в конце 1917 г. Подобных обобщающих работ, рассматривающих формирование политических тенденций на столь широком историческом фоне с привязкой к географическим особенностям региона, на сегодня крайне мало, что делает данные исследования актуальными и востребованными. По крайней мере, можно точно утверждать, что подобные работы и создают ту основу, которая позволяет более точно, более выверенно и объективно интерпретировать формирование предпосылок Великой социальной революции в регионе.

Irkutsk at the Beginning of the 20th Century: Formation of a Political Landscape

A. V. Shalak

Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The monograph devoted to political history of Irkutsk in 1917 is reviewed. The wide historical background of a research is emphasized. Considerable documentary base and also communication and interference of historical processes of the European and Asian parts of Russia

Keywords: Irkutsk in 1917, the collective monograph, review.

*Шалак Александр Васильевич
доктор исторических наук, профессор
Байкальский государственный
университет
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
тел.: 8(3952) 52–26–22
e-mails: Shalakav@bgu.ru*

*Shalak Alexander Vasilyevich
Doctor of Sciences (History), Professor
Baikal State University
664003, 11, Lenin st., Irkutsk
Tel.: 8(3952) 52–26–22
e-mails: Shalakav@bgu.ru*